

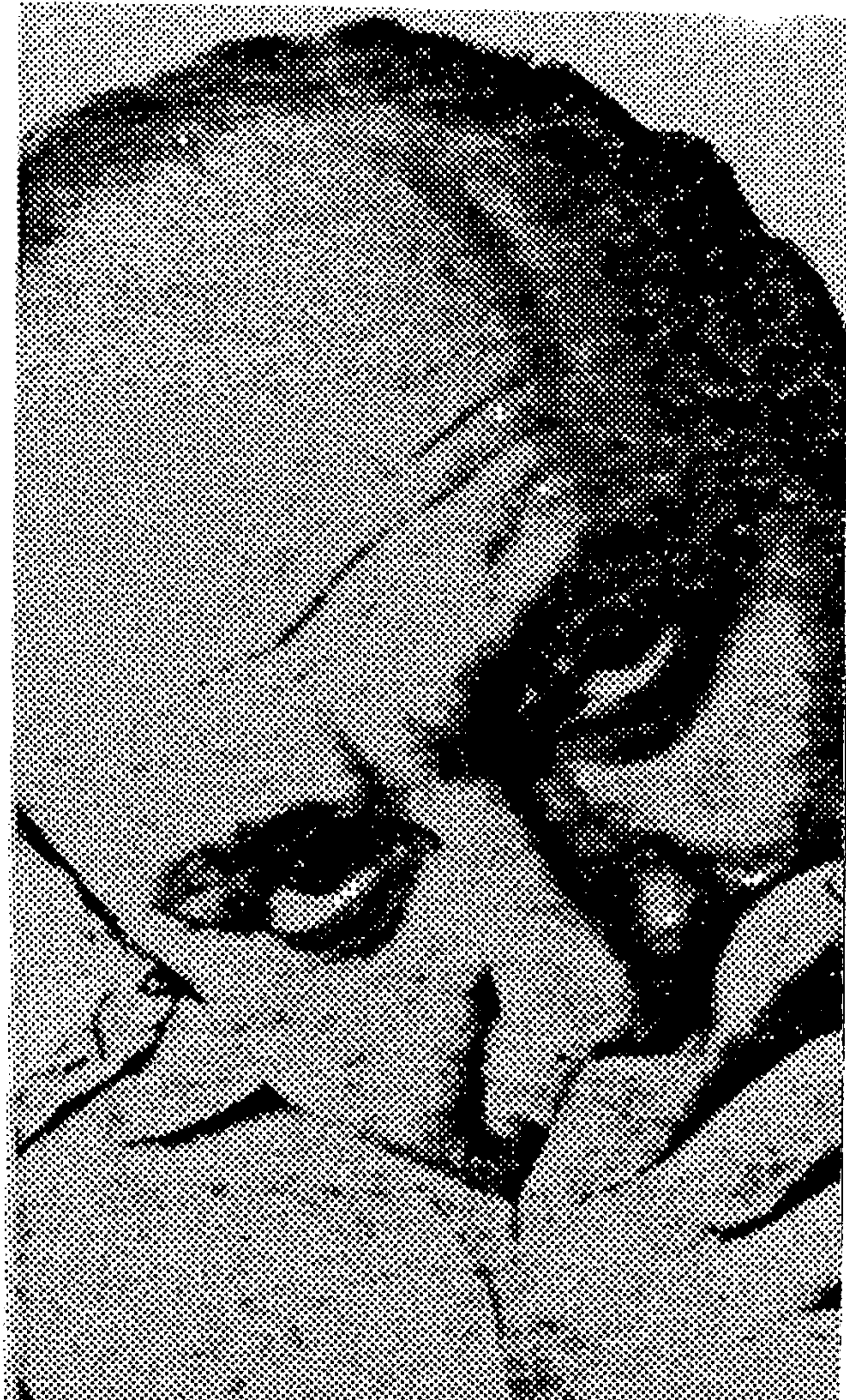
ВРЕМЯ ИММД 89 1986

Примечательнее всего, что сам Михаил Жванецкий не считает себя юмористом. Он говорит, что ему, вообще, не нравится разделение литературы на юмористическую и неюмористическую, и занимается он не сатирой, а "резвыми размышлениями". Максимум, что дозволено Жванецкому в СССР, — это "предаваться размышлениям на сцене", но куда реже — с пером в руках. Желая восполнить этот пробел, мы и предлагаем подборку его рассказов. Собиралась она по крупицам — из вещей известных, малоизвестных и тех, которые на родине писателя так и не увидели света.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

СВЕТЛЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕМНОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОБИОГРАФИЯ

"Я, Круглов Степан Григорьевич, из Ухты, до 1966 года находился в городе Тула с родителями и отцом на излечении, так как ему требовалась тишина.

В 1968 году, узнав, что страна остро нуждается в гидротехниках, начал поступать в гидротехническое высшее заведение, в которое не поступил в мае 1968 года благодаря интригам и взяткам окружающих.

8 января 1968 года, находясь в городе Тула, выехал в Москву, где продолжил попытки поступать в различные учебные заведения с учетом нужд всего народа.

В 1969 году страна остро нуждалась в писателях, и я начал поступать в Литературный институт, куда не поступил в 1970 году весной благодаря засилию бездарностей по запискех...

Осенью 1970 года, находясь в стесненных материальных условиях, отбыл в Ташкент, где был встречен на вокзале незнакомыми людьми, которые сказали: "Отдай чемодан". Я вступил в спор с возражениями, после чего мы разошлись, причем я побежал.

Материалы пришли по каналам самиздата и печатаются, естественно, без разрешения автора.

Все мои попытки отдать мне чемодан обратно привели меня в милицию, откуда я вышел приободренный и заночевал.

26 ноября 1970 года, находясь в Ташкенте на центральной улице на костыле, встретил одного из встречавших, обрадовался и дал сигнал остановиться. Но на мои сигналы он не реагировал, а возражал и вступил в спор, после чего мы разошлись, причем я побежал. И поступил в Государственный ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт в травматологическое отделение, откуда с большим успехом был выпущен 12 февраля 1971 года без ребра.

Продолжая находиться в Ташкенте в стесненных материальных условиях, вылетел по приглашению друга на Камчатку, где остро требовались крабы, и поступил на траулер матросом с целью укрепить материальное благосостояние свое и страны благодаря высоким заработкам необъятных морей бескрайних, трудовых.

Работая с 18 июня 1971 года матросом-тросовиком, продержался на плаву двенадцать дней, после чего, выронив за борт ценный прибор для определения местоположения траулера, который нес протереть, был списан на берег, куда мы не могли попасть ввиду отсутствия упомянутого прибора. После чего вступил в спор с последующими возражениями и с травмой гаком по голове отбыл в город Кишинев, где в то время остро нужны были танцоры национальных танцев "Жок".

Выяснив, что заработок танцора национального ансамбля выше заработка проводника международного вагона на пятнадцать-двадцать процентов, а поездки те же, я начал регулярно поступать в ансамбль с 1973 года, предварительно проведя несколько тренировок во дворе. Руководство ансамбля мне посоветовало прекратить мои регулярные поступления ввиду отсутствия образования и незнания молдавских национальных передвижений.

Мой отказ уйти со сцены был воспринят некоторыми танцорами неправильно, и они возражали, после чего мы разошлись, причем я побежал, невзирая на боль, в Баку, куда я прибыл 12 января 1975 года. В Баку остро нужны были нефтяники ввиду высоких заработков, на пятнадцать-двадцать

процентов выше заработка танцора седьмого разряда. И я устроился на камнях нефтяником Каспия.

К сожалению, работы оказалось несколько больше, чем я предполагал, и, обладая большой памятью, я устроился официантом на камнях с радостью в Баку.

На второй день работы, в выходной, облив праздничного пациента борщом-харчо, получил требование смыть. На что возражал. Он возразил мне, и мы разошлись, причем я побежал и временно потерял трудоспособность, которую восстановил 26 марта 1976 года в шестнадцать часов дня.

Заканчивая яркую трудовую биографию, прошу двести восемь рублей подъемных средств для подъема и праздничного перелета Баку — Москва к Первому мая 1977 года.

Обратный адрес для организаций и частных лиц: Алма-Ата, Главпочтамт, до востребования, откуда перешлют мне в Ереван, где меня не искать, передадут”.

ОБНИМЕМСЯ, БРАТЬЯ

Уж сколько говорили, сколько писали об этом, что страдает у нас обслуживание друг другом. Что хромает у нас хорошее отношение человека к человеку.

Товарищи! Братья! Сотрудники! Соученики!

Я обращаюсь к вам, дети мои!

Автоинспекторы и владельцы!

Официанты и голодные!

Кассиры и безденежные!

Вахтеры и те, кто предъявляет в развернутом виде!

Перестаньте враждовать, дети мои! Прекратим междуусобицы и распри! Протянем друг другу руки!

Сегодня ты ко мне пришел, завтра я к тебе. Сегодня ты мне даешь щи, завтра я вырываю тебе зуб. Зачем нам калечить друг друга, товарищи? Воспитатели, которые ненавидят детей, сложите оружие и выходите на площадь строиться — страна задыхается без дрессировщиков. Администраторы, не переваривающие живых людей, тайге нужны лесники, от вас до ближайшего жилья будет пятьсот километров непроходимых болот.

Кассир, дитятко мое, выглянь в амбразуру, я сегодня в новом галстукe.

Ай-яй-яй... Официанточка, сестричка, девушка! Чего ж ты на меня из кухни со штыком наперевес?... Кто ж тебя разъярил с самого утра, родная моя, что тебе самое лучшее сделать, какой самый дорогой подарок поднести? Уйти к чертовой матери? Ухожу, родная, ухожу! Не нарушу, ничем не потревожу. Пойду в магазин...

Здравствуй, друг мой и брат, продавец. За что ты меня не любишь? Посмотри на меня, я же точно такой, как ты: пальтишко, шапочка, ботиночки, шнурочки. Куда ж я пойду? Только к тебе. Нас много? ... Верно. А я в чем виноват? Ты же тоже размножаешься.

Любимый брат! Обними меня через прилавок. Всплакни и обслужи! Куда ж деваться нам обоим? И пишут об этом и говорят, а пока мы сами не договоримся, никто нам не поможет. Нарезь, птичка моя, и взвесь!

А потом закроешь магазинчик и все расскажешь: и что яблочки не твои, и колбаска не твоя, и выручка не твоя. А я тебе скажу, что и завод не мой, и станок не мой, и ты не мой, и я не свой. Все наше, все родимое, все свое. Чего ж мы друг на друга кидаться будем? Уж обслужи, кудрявый! А я тебе гаечку подберу, в холодильничек твой вставим, и застучит он, запоеет, как канареечка, и ты будешь доволен и я. И хорошо нам всем станет, и сойдет на нас великая благодать!

Обнимемся, братья!

Облегчим душу!

В ГРЕЧЕСКОМ ЗАЛЕ

Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили. Убивают время как попало. Вместо того, чтобы отдохнуть... В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то... Я думал — музей как музей. А это не музей, а хуже забегаловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь...

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия таращилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

— В греческом зале, в греческом зале, как вам не стыдно!

Аж пенсне раскалилось. Я ей так тихо возражаю:

— Чего орешь, ты, мышь белая?.. Ты здесь каждый день дурака валяешь, а мне завтра на работу. стакан бы лучше принесла... Видишь, человек из горлышка булькает?!

— Что селедку?.. Кто селедку?.. Какую селедку?.. Ну, селедку развернул у него на плече... А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается, поймешь ты, коза старая?!

— Кто Аполлон?.. Я — Аполлон? Он — Аполлон? Ну и нехай себе Аполлон... Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею?!

От народ!.. Никакой культуры. Еле от нее отбился. Хорошо еще, ребята поддержали... А на часах уже три! А я еще с продуктами и ни в одном глазу. А уже три на часах.

Стал искать чем консервы открыть. Бычки в томате прихватил. Музей, музей — нечем банку открыть! Хоть убейся. Куда я только не лазил. Приспособился под конем... Железку какую-то оторвал, только ударил, как заверещит, у меня даже банка выпала. Вахтерша с указкой! Ну?! Я ей из-под коня так тихо замечаю:

— Что ты дребезжишь?! Что я, тебя трогаю или кусаю кого? Ты себе, я себе, они себе...

Хорошо, ребята меня поддержали, вроде все уладилось... Так штопора нет! Вот музей...

Тут я ей совсем тихо, ну, тихо совсем:

— Слышь, штопор есть?

— Это итальянская живопись семнадцатого века!

— Ты не поняла, — говорю, — я тебя не спрашиваю, где бра-ла живопись, я спрашиваю, штопор есть?

— Вы понимаете, что вы говорите, здесь вокруг живопись!

— Понимаю, а ты без штопора можешь открыть? Я же об пол буду стучать, мешать. А вокруг живопись...

Намучился! Оторвал от этого же коня еще одну железяку, пропихнул внутрь, но настроение уже не то... В какой-то гробнице в одиночку раздавил кагор в кромешной тьме, в антисанитарных условиях... Бычки, конечно, руками хватил... Хорошо, грузин стоял на камне, я у него кинжал вытащил, колбасу хоть порубил на куски.

Когда я из гробницы вылез, еще мог экскурсию продолжать, хоть в паутине и в бычках... Но они исчезли. Так что воспринимал в одиночку... Поковырял того грузина — мура, опилки, дурят людей.

А тот железный, что на лошади сидел, тот ничего, крепкий... Меч я у него из кулака вырвал, а щит рвал, рвал, не идет — неплохое качество!

Ну, а в целом, потерял выходной, угробил. Хорошо еще, вечером в скверике врезали "Зверобой" и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули.

Теперь, говорят, в Большом театре "Столичная" появилась, только билет на "Чародейку" надо брать. Почему же у них сто грамм?

ВЕЗУЧИЙ И НЕВЕЗУЧИЙ

- Рассказывай.
- Что рассказывать?
- Как у тебя дела?
- Да так, неважно...
- Неужели? У тебя работа интересная?
- Да нет, не очень...
- У меня интересная.
- Да?
- Ты старший?
- Нет, я младший.
- Я главный.
- Да?
- Как к тебе относятся?
- Где?
- На работе.

- Да как относятся?.. Никак не относятся.
- Ко мне замечательно. Тебя уважают?
- А черт его знает?.. Кто как.
- Меня уважают. Много получаешь?
- Что-то около ста пятидесяти.
- Я четыреста и прогрессивку.
- Да?
- У тебя жена какая?
- Какая? .. Обыкновенная.
- У меня прекрасная. Великолепный друг, отличный товарищ, мать моих детей.
- У меня тоже мать моих детей.
- Сколько у тебя?
- Одно.
- У меня четыре. Оно у тебя на чем играет?
- На чем оно играет? Что-то я не замечал, чтобы она на чем-то...
- У меня младшие на скрипках, старшие на роялях. Концерты по вечерам. Музыка. Скрипки. Рояли. Приемник. Телевизор.
- Я тоже видел у одного японский транзистор. Хорошо берет.
- Ты чем увлекаешься после работы?
- За Каткой увлекаюсь в садик, потом увлекаюсь по магазинам.
- А где ты был за границей?
- А где я мог быть? Я тут как-то... внутри.
- Фильмы любительские снимаешь?
- Фильмы? Какие фильмы?... Мне только фильмов не хватало. А квартира у тебя есть?
- Ну как же, четырехкомнатная.
- У меня что-то никак... То там поругаюсь, то там...
- А зачем ты ругаешься? Дадут квартиру, потом ругайся.
- Вообще-то да.
- Какая лодка у тебя?
- Лодка? .. Я с тещей в одной комнате.

- У меня лодка есть.
- Они мне говорили, подожди, повысят зарплату и выскажешься. Черт меня дернул, не удержался. А ты?
- У меня все хорошо. А чего ты младший?
- Слесаря одного ударил. Он каждый день пьяным приходил. Орал, хамил. Я не выдержал. Товарищеский суд... У тебя такого не бывало?
- Что ты, что ты?! У меня все хорошо.
- И случаев никаких не бывало?
- Не-е!
- Ты никогда не хлопнул дверь, не положил на стол заявление?
- Зачем? Прекрасная работа. Хорошее отношение.
- Ну, меняется ситуация. Увольняют кого-то. Кого-то обижают.
- Да...
- Может, ты с женой хоть раз сцепился?
- Прекрасная женщина, друг, товарищ, мать...
- Слушай, а девочки на работе, сейчас они такие боевые.
- Я ведь женат.
- Знаю, знаю. Слушай, а ты когда-нибудь одалживал кому-нибудь?
- Ннет...
- Наводнение, пожар, ремонт у тебя был?
- Ннет...
- Может, я могу чем-нибудь помочь?
- Чем же?
- Проводить тебя?
- Куда? Я рядом живу...
- Ну, иди, что же делать. Эй, осторожно, машина, машина!
- Это моя машина!
- Несчастный человек!

ОН — НАША ГОРДОСТЬ

Он — наше чудо, он — наша гордость. При виде женщины — встает, дает ей стул, пальто. Не спит на собрании. После доклада о международном положении и происках сил реакции ему стало плохо. Остальные, окружив, долго смотрели на него и, даже проводив "скорую", не могли разойтись. Так это на всех подействовало. Через него начинаешь чувствовать. Ему скажут:

— Не волнуйтесь, мы этот вопрос решим через неделю.

Он верит, запоминает, приходит через неделю и спрашивает:

— Ну, как?

— Что как? — все забыли, о чем это он.

Мы им просто гордимся. Видит "Посторонним вход воспрещен" — не затолкнешь. Все туда рекой текут, что-то выносят оттуда. Он ни с места. Такая канареечка, все-таки уже под сорок, и такое чудо маленькое. А если по знакомству что-нибудь, то вообще, не дай Бог! Ну, некоторые видят, как он живет, как одет, — пожалеют:

— Иди, мол, туда, я там договорился.

Не идет.

К нам толпами валят, спрашивают, где он. Мы говорим, вот он у окна. Он работает, а на него стоят смотрят. Одна чертежница жевала и смотрела на него полдня.

Он же отказывается стричься, лечиться, дома все механизмы не действуют. Гонят его — иди, стригись, лечись, чини. Не идет. Не может в рабочее время. А в нерабочее те же тоже не работают. При всем при том, поговори с ним, ничего такого не почувствуешь. Как вы, как я. То есть, видимо, что-то есть. Но внешне — как вы, как я.

Все ко мне бегают, я с ним рядом сижу. Я говорю:

— Ну, что вы бегаєте? Он действительно такой.

Кстати, он холостяк. Мы уже его познакомили. Он симпатичный, если б не одежда. Он же все в магазинах, и еще в начале месяца, чтобы без очередей. Ну и выглядит, как из ДОПРа. Все на нем — "Скороход", "Красный треугольник", "Кемеровский промкомбинат". Но если эту кирзу и дерюгу содрать,

он даже симпатичный. Знакомили, знакомили, но, конечно-таки, женщины не довольны были, даже пожилые, которым совсем терять нечего. Стихи читает, книжки дарит, чай пьет... идиот, в общем. Нам тоже крыть нечем — у них факты. Мы говорим:

— Но он такой. Принимайте его таким.

— Это что же, он на зарплату жить будет?!

— Будет, он же не прикидывается.. Это же он как-то сказал: "Давайте напишем, пусть этого продавца заменят другим — будет иначе". Честное слово, он так сказал.

Душой возле него отдыхаешь. Намотаешься где-нибудь, налаешься, наобещал тебе кто-то золотые горы, а сам вообще не явился. Приходишь к нему.

— Расскажи, как ты себе представляешь. А какие должны быть отношения? А как бы ты хотел?

Он говорит, а ты сидишь, думаешь о чем-то... как на берегу моря. Мы очень его бережем. Говорят, где-то девочка появилась под Архангельском такая же. Если их познакомить, окружить плотно, накрыть чем-то сверху, интересная порода людей может пойти.

НОРМАЛЬНО, ГРИГОРИЙ!

ОТЛИЧНО, КОНСТАНТИН!

Мы с приятелем выиграли торт в Доме отдыха, с ним никуда не пустили. Несогласованность, знаете, дарят одни, за чистотой следят другие. Но мы с другом выпили по сто и поняли, что награждают одни, убирают другие, а мы намусорим. На коленках съели, только костюмы испачкали, и все.

Пальто мне заказали с воротником. Отобрали мы у ателье это пальто. Хотели им обратно насильно вернуть. Вплоть до мордобоя, чтоб обратно забрали они это пальто себе. У меня фигура и так неважная, а в пальто в трамвай не могу войти, место уступают, без очереди пропускают, плакали вслед две женщины, которые мужей потеряли. И на воротнике такой мех, что от медведя остается, когда всю шкуру уже поделили.

Хотели им насильно вернуть; их больше, не хотят они. Выпили мы с Григорием по двести, надел я пальто.

— Смотрится, Константин.

— А что, нормальное, говорю... Они же объяснили, что этот заболел, а там подкладка, усадка, девочки молодые шьют, а на семьдесят рублей никто не идет.

Часы купили, через два дня календарь отказал. На дворе уже тридцатое, а он все десятое показывает. Выпили мы по двести пятьдесят, посмотрел я на часы — нормальные часы. Потом стрелки остановились, мы — по триста... Я посмотрел на часы, господи, корпус есть, циферблат есть, чего еще надо? Шикарные часы.

А когда потолок в квартире завалился, мы вообще по триста пятьдесят грохнули. И правильно. Сдавали зимой, мазали осенью. Нельзя же все летом делать! Нормальная квартирка.

Опять в санаторий попали специализированный. Еда там, что в кинотеатрах в буфетах перед "Щитом и мечом" дают... Но у нас с собой было, мы в палате приспособились — кипятильничек, плиточка, концентратик гороховый. Нормально, говорю, Григорий! — Отлично, Константин!

Обратно лететь — сутки на аэродроме торчали. Полсутки — погода, полсутки — техническое состояние, пять часов в кабине — багаж грузили, шесть часов выгружали... Но у нас с собой было. Нормально, говорю, все равно быстрее, чем поездом. Подсчитали — вроде бы, не быстрее, вроде бы, даже медленнее. Ничего, говорю, по буфетам походили, с людьми познакомились, на скамейке полежали. Наземные службы отстают, воздушные обгоняют, так что мы в их положение вошли, теперь им в наше войти, — и нормально, Григорий! — Отлично, Константин!

Посидели, отдохнули. Сейчас летим обратно. Правда, сели в Куйбышеве, потому что Казань не принимала, хотя нам надо в Харьков. Но у нас с собой было... Сейчас город посмотрим. Нормально, Григорий! — Отлично, Константин!

Нам сказали, что стоянка шесть часов, через час предупредили, чтоб не уходили, через два вылетели. Не все, конечно... Те, кого предупредили... Но у нас с собой было... Поездом по-

едем, чего расстраиваться. Нормально, Григорий! — Отлично, Константин!

Приехали домой, снова пальто на глаза попало. У нас с собой было.

— Ну-тка я нырну, глянь, Константин.

— Нормальное. Носи на здоровье. В случае чего я буду ходить сзади, объяснять, что никто не хочет за семьдесят рублей над утюгом стоять.

Мы в один город приехали. Не просто, а по приглашению председателя горисполкома. Он по телевидению выступал. "Приезжайте в наш город, вас ждут новые гостиницы, пансионаты, кафе". Так упрасивал — мы поехали. Но у нас такое впечатление все-таки возникло, что нас не ждали. Решили к председателю зайти. Объяснили секретарше, что мы не просто свалились, а по приглашению. А она нас выставила за дверь.

— Вас много, гостиниц мало. С ума сошли. Так и будете по всем городам ездить, чьи председатели по телевидению выступают?

Ну, мы на вокзале при буфете приняли по двести... Нормально, говорю, чего? Действительно, нас много, а мест мало. Нас много, а штанов мало. Тут один выход, Григорий. У тебя дети есть?.. Нет. И у меня нет.

Нормально, Григорий! — Отлично, Константин!

АЛЛО, ВЫ МЕНЯ ВЫЗЫВАЛИ?

Алло!.. Это милиция?.. Скажите, вы меня не вызывали?.. Я вернулся из командировки, а соседи говорят, кто-то приходил с повесткой — меня куда-то вызывают... Чижиков Игорь Семенович, Лесная, пять, квартира восемнадцать... Я не знаю, по какому делу... Нет, я не в магазине... Нет, не блондин.. Тридцать три... Я на всякий случай. Вдруг вы... Не вызывали... Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кто-нибудь оклеветал?.. Может, вы знаете... Нет, пока ничего. Значит, вы не вызывали?... Извините за беспокойство. Ой!

Алло!.. Это военкомат?.. Вы меня не вызывали случайно?.. Чижиков Игорь Семенович... Да, обязанный, младший лейте-

нант... Ну, я не знаю. Может, я уклоняюсь или не явился раньше. Мало ли что... Тут, говорят, повестка была, а я в это время был в командировке... Лесная, пять, квартира восемнадцать... Проверьте, пожалуйста, может, что-нибудь не так... Может, я чего-нибудь не знаю. Может, вы знаете... Ну, может, допустил чего-нибудь... Нет. Значит, вы не вызывали?.. Извините, пожалуйста. О! Кусок в горло не лезет.

Алло!.. Это суд?.. Вы меня не вызывали?.. Чижиков И.С. Лесная, пять, квартира восемнадцать... Какое ограбление?.. Нет, не участвовал. Я в командировке был... Алиби, алиби... Нет, не блондин... С кем связаться? И кого спросить?.. А от кого сказать?..

Алло!.. Двести пятьдесят три, добавочный... Николая Петровича, пожалуйста. Николай Петрович, это Чижиков от Потапова... Я по вопросу вызова в суд... Игорь Семенович. Он просил меня к вам обратиться... Просто так, явиться и все?.. Завтра?.. А у меня же нет на руках повестки... Пустяки... А в какую комнату это сделать?.. Я же не знаю, по какому делу... Поэтому я и звоню... Вы не подскажите?.. Не блондин, сто шестьдесят семь, сороковой, глаза голубые, тридцать три... Я не морочу голову. Была повестка... Я не знаю, может, вы знаете?.. Может, мне все-таки прийти?.. Пока не надо. Но вы меня будете иметь в виду?.. Спасибо, извините!

Алло, это диспансер?.. А это Чижиков говорит. Вы меня не разыскиваете?.. Я не укрывался, но, может быть, вы меня разыскиваете?.. Игорь Семенович. Лесная, пять, квартира восемнадцать... По этому адресу я прописан... Я понимаю, что меня нечего искать, но, может, вы меня не можете найти... Может, вы не так ищите... Нет, девушка, этим я не занимаюсь... Нет, вы трубку не бросайте. Вы проверьте, повестка была... Это не шутка... Чувствую себя хорошо... Я-то не подозреваю. Может, вы?.. В последний раз?.. Месяца два назад... Нет, не жаловалась... Хорошо знаю. Мы вместе работаем... Нет. Ничего... По утрам?.. Прозрачная... Я посмотрел... два месяца назад... Не случайная... Работаем. Бок о бок... Может, кто-нибудь заявлял... Я-то ни с кем, но, может, кто-нибудь заявлял... Куда позвонить?.. В милицию... Сказать от вас?..

Алло! Это милиция?.. Это Чижиков из диспансера. Мне сказали, чтобы я к вам обратился... Не блондин... Лицо чистое. Сто шестьдесят семь, сороковой, тридцать три, голубые... Я все-таки найду... Ну, пожалуйста, доведем дело до конца... Можно?.. Спасибо. Бегу!

ЖЕНИТЬБА СИГИЗМУНДА

Я не знаю, как для вас, но для меня Восьмое марта — второй день рождения.

Я холостяк. Не старый. Мне восемнадцать до семнадцатого года, плюс пятьдесят один, минус подоходные, плюс бездетность. Я, по профессии, бухгалтер. Итого мне... шестьдесят с копейками.

Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо. Но я не спешу. Шестьдесят девять — время еще есть. С моим возрастом, о котором я сказал выше, с моими данными, о которых я скажу ниже, я мог бы женить на себе весь балет Большого театра, но я не тороплюсь.

Мне говорят:

— Слушай, Сигизмунд, для тебя есть девушка в Ташкенте, стройная, как козочка, ароматная, как персик.

— В Ташкенте. Улица Навои, шестьдесят пять, вход со двора, налево, отдельная квартира с отцом? Да?

— Да.

— С черными глазами, заикается? Да?

— Да.

— Тетя болела желтухой в тридцать шестом году? Да?

— Да.

— Хорошая девушка, но зачем привязывать себя к одному месту?

Я всю жизнь менял адреса и места работы. Менял, когда мне не нравился пейзаж за окном или голоса сотрудников. Зачем же мне затихать вдали? И я сказал себе: "Сигизмунд, тебе рано отдавать, ты еще не все взял от жизни".

И я сбежал к одной врачихе. Доцент. Вот такая толстая...

диссертация, и тема очень интересная — что-то там в носу. Такая умная женщина. Бывало по радио: "Буря мглою небо кроет..."

— Откуда это, Сигизмунд?

Я только открывал рот и напрягал память, как она говорила:

— Ты прав, Сигизмунд, — это Пушкин.

С ней я пошел дальше всех, с ней я дошел до загса. У меня уже был букет, мы с ее мамой перешли на "ты", а папа подарил мне белые тапочки. И тут я сказал себе:

— Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе.

С таким же успехом можно жить в библиотеке или спать в машиносчетной станции.

И я бежал к третьей. Та ничего не соображала, и я почувствовал себя человеком. Я сверкал остроумием, я пел и решал кроссворды. А она сидела раскрыв рот. Когда человек, раскрыв рот, смотрит на вас целый день, это приятно. Но через месяц это начинает раздражать. Я ей говорю:

— Закрой рот, я уже все показал.

И хотя был ужин, и нас поздравляли, и ее папа подарил мне белые носки, я сказал себе:

— Стоп, Сигизмунд, шутки шутками, но могут быть и дети.

И я бежал домой.., где из живых людей меня ждет только зеркало.

Но сегодня, женщины, у нас с вами большой день... Я чувствую, что я созрел. Сегодня я выгляжу, как никогда.

У меня еще стройная фигурка, блестящая в некоторых местах голова, слегка подкашивающиеся ноги, небольшое пришептывание при разговоре, посвистывание при дыхании и поскрипывания при ходьбе. Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно... поговорить! О Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...

Готовьтесь, птички! Я еду к вам на трамвае!

СВЕТЛЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕМНОЙ ЛИЧНОСТИ

— Тсс!.. Тихо!

Я сейчас вам скажу кое-что... Вы не волнуйтесь. Сидите спокойно. Фамилию свою не скажу — засекречена... *(Оглядывается.)* Там что за люди?.. А эти?..

Так вот. У меня шестьдесят крупнейших изобретений и открытий. Я автор сорока законов природы. В том числе закона земного притяжения, и от перемены мест сумма не меняется, если вам ее выдали.

Чтобы было ясно, перечисляю.

Простейший аппарат для хождения по воде. В этом же аппарате выключаешь наддув, включаешь поддув — взлетаешь в воздух. Переключил давление — буравишь землю. Еще раз переключил — ушел в облака. Не подчиняешься радиолакации. Начинаешь ярко светиться днем.

Этим шлангом разгоняем тучи. Удержать невозможно. Пятнадцать человек держат шланг. Нужен дикий компрессор, которого нет.

Вниманию домашних хозяек. Приспособление для очищения куриц. Технология: прошлась электробритвой мужа, потом намыливаешь ость мужниной кисточкой для бритья, обдаешь безопасной бритвой. Все. Курица наша. Вари. Ешь. С этим предложением хожу тридцать лет. Работу бросил.

Оригинальный метод борьбы со склерозом путем полной госпитализации всего населения в инфекционных больницах.

Стимуляция БДБ. Укол в пятку — на лысине появляются первые всходы.

Кое-что секретное: таблетки против танков. Проглотил — и нет никого... Меня могут выкрасть. Чтобы меня не украли, мне нужно сто рублей. Сейчас же. У меня миллионы здесь. *(Стучит по голове.)* Но здесь *(бьет по карману)* не хватает ста рублей.

Носки и перчатки на батарейках. Поддерживают постоянную температуру тела — тридцать шесть, и шесть десятых. Ходить неудобно. Батарейки под пяткой. Работаю над этим...

Транспортная повесть для юношества о провалившейся

любви. Читается в любом виде транспорта с нарастающим интересом. Море слез. Несколько озарений. Чистая радость.

Микроскоп стереоскопический. Пока не работает. Необходимо специальное освещение. В СССР таких ламп нет. В США есть одна. Но ее разбили. Один ребенок.

А у кого-то поворачивается язык сказать мне, идите учиться! Вы не знаете математики. Мы все это слышали. Того не знаете, этого не одолеете...

Портативная постель. Моя собственная. Девичья. Ушла жена. Испытывал на ней новый состав для омоложения на костной муке со стекловолокном. Ушла. Не понимает женщина.

Соседний пацан помогал некоторое время. Взлетели мы. Где он сейчас, не скажу.

Порошок сыплем из окна, резко увеличивается скорость уличного движения. Не пригодится?

Роман для пожилых. Поясок — ярко обозначает талию. Ручка шариковая на замке. Радиаторы-самогрейки.

Все нужно пробивать.

Украдет меня иностранная разведка и будет права. Ох, будет права!

ПОРТРЕТ

О себе я могу сказать твердо. Я никогда не буду высоким. И красивым. И стройным. Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье. И в молодые годы я не буду жить в Париже.

Я не буду говорить через переводчика, сидеть за штурвалом и дышать кислородом.

К моему мнению не будет прислушиваться больше одного человека.

Я наверняка не буду руководить Большим симфоническим оркестром радио и телевидения. И фильм не поставлю. И не получу ничего в Каннах. Времени уже не хватит... Не успею.

Никогда не буду женщиной. А интересно, что они чувствуют?

При моем появлении все не встанут.

Шоколад в постель могу себе подать. Но придется встать,

одеться, приготовить. А потом раздеться, лечь и выпить. Не каждый на это пойдет...

Я не возьму семь метров в длину... Просто не возьму. Ну, просто не разбегусь... Ну, даже если разбегусь. Это ничего не значит, потому что я не оторвусь... Дела... Заботы...

И в том особняке на набережной я уже никогда не появлюсь. Я еще могу появиться возле него. Напротив него. Но в нем?! Также и другое... Даже простой крейсер под моим командованием не войдет в нейтральные воды... Из наших не выйдет. И за мои полотна не будут платить бешеные деньги. Уже нет времени!

И от моих реплик не грохнет цирк и не прослезится зал. И не заржет лошадь подо мной... Только впереди меня. И не расцветет что-то. И не запахнет чем-то. И не скажет девочка: "Я люблю тебя".

И не спросит мама: "Что ты ел сегодня, мой мальчик?"

Но зато... Зато я скажу теперь сыну:

— Парень, я прошел через все. Я не стал этим и не стал тем. И я передам тебе свой опыт.

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ

Дедушка, дедушка, как ваше здоровье? Нет, нет, мы не знакомы, дедушка, но меня интересует. Вижу, вы вздыхаете. Честное слово, я просто так. Как ваше здоровье, дедушка, дорогой? Нет, я не из поликлиники. Я же вам говорю, просто так. Да нет, ну что вы, дедушка. Я не от Зины. Я не знаю Зину, я прохожий. Вижу, вы переходите улицу, я шел за вами. Я случайно шел за вами. И думаю, спрошу, как здоровье. Погода великолепная сегодня. Ну, не хотите отвечать, пожалуйста. До свидания.

Я вам говорю, я просто поинтересовался. Честное слово, я вас не знаю. Клянусь, я вас вижу в первый раз. Я просто так спросил, как ваше здоровье. И все. Ну, хорошо. Не хотите отвечать, не надо. Все. Я пошел. До свидания.

Отец, идите своей дорогой. Я говорю, у меня сегодня хорошее настроение, и я спросил, как ваше здоровье. Ну что здесь

такого? Я ничего не думал. Не знакомы, не знакомы. И не работали вместе и не учились. Как мы могли учиться вместе? Ну как?

Я не знаю вашу дочь. И в Саратове никогда не был. Я просто спросил, как ваше здоровье. Вы не захотели ответить! Все! Вам куда? А мне — налево. И чудесно. И будьте здоровы.

Папаша, бросьте это дело. Не приставайте на улице. Папаша, я объяснил. Ну вы посмотрите на себя. Вы еле дышите, вы весь держитесь на этих подтяжках. Я вам говорю, я нервный. У меня просто настроение хорошее, но я звездану, и все. Зачем вам эти волнения к концу жизни?

Я вам говорю, я за тобой шел. У меня было хорошее настроение, и я спросил, как твое здоровье, чтоб ты не дошел. Понимаешь? Я тебя в жизни не видел и горя не знал. Слушай, старый, переползай на другую сторону: у меня терпение кончается!

Какой я тебе родственник? Ты посмотри на мой овал лица. Какой Саратов? Я из Копенгагена, у тебя там есть родственники? И катись к чертовой матери, пока я тебе все шнурки не оборвал. И быстро набирай обороты. Догоню — устрою здоровье на все два дня, что тебе остались!

Нет! Нет! Если бы ты был моим родственником, я бы на себя руки наложил. Слушай, у меня было хорошее настроение — я не виноват, но я разворочу мостовую, я найду тот кирпич... Дед, отойди, дед, дай умереть спокойно. Дед, я тебя не знаю, у меня сердце не выдерживает! Дед, уйди!

Граждане, братья, отодвиньте его, не доводите до греха. У меня сегодня радостный день, у меня сегодня день рождения. Мне сегодня было тридцать лет. Я защитился — вот диплом. Жена-красавица, дети умницы. Я ему говорю:

— Отойди, дед. Я здоровый человек, меня любят на работе. У меня все впереди.

Он ходит за мной с самого утра. Разве я могу взять его за бороду и об себя два раза? Я же интеллигентный человек!

Мальчик, мальчик, где здесь аптека?

НАШИМ ЖЕНЩИНАМ

Женщины, подруги, дамы и девушки! В чем радость и прелесть встреч с вами? Почему вы созданы такими? Нежная кожа, эти глаза, эти зубы и волосы, которые пахнут дождем. Этот носик и суждения по различным вопросам.

Товарищи женщины, дамы и девушки! Назад! Вы уже доказали, вы можете лечить, чинить потолки, собирать аппараты, прокладывать кабель. Хватит! Назад! Обратно! В поликлиниках женщины, в гостиницах женщины, в ресторанах женщины, в цехах женщины. Где же прячутся эти бездельники? Она ведет хозяйство, она прописывает мужа и сидит в техническом совете. Она и взрослеет раньше и живет дольше. У нас в новых районах одни старушки, где же старики?.. А вот бездельничать не надо, будем долго жить. Пьем, курим, играем в домино, обедаем, валяемся на диванах, а потом к ним же в претензии — мало живем. Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок. Кто нами может быть доволен? Только добровольцы. Лев пробегает в день по пустыне сотни километров. А волк? Все носятся по пустыне, ищут еду. Поел — лежи. А у нас поел — лежи, не успел — лежи... У льва есть мешки под глазами? А брюхо? Имей он брюхо, от него бы сбежала самая унылая, самая дряхлая лань.

Они, конечно, зарабатывают больше нас, наши женщины, с этим мы уже смирились. Они выглядят лучше, с этим мы тоже смирились. Они одеваются красивее. Сейчас мы пытаемся что-то предпринять — жабо, кружевные воротнички, броши на шее... Ну куда?! С лысиной на голове и брошью на шее далеко не уедешь. А какие у нас походки от долгого лежания на диванах и сидения в креслах на работе?! Вы видели эти зады, черпающие землю?.. А зубы от курения, употребления соленого, сладкого, горького. А глаза, в которых отражается только потолок.

Наши милые дамы, наше чудо, наше украшение. Вставать рано, собирать детей и этого типа на работу. Самой на бегу проглотить маленький кусочек, успеть причесаться, кое-что набросать на лицо. Прийти на работу и выглядеть. И в обед занять очередь в четырех местах и все успеть. И прибежать до-

мой, накормить детей и этого типа. И бегать, и вытирать, и починять, и шить. А утром будильник только для тебя. Для тебя будильник, как для тебя огонь плиты, для тебя толпа и давка, для тебя слова, шипящие сзади. И тебе еще надо умудриться, пробегая в день пятьдесят километров, оставаться слабой. И ты умудряешься: походи пойми, что главное. И я тебя люблю за все.

ПАРОВОЗ ДЛЯ МАШИНИСТА

Здесь хорошо там, где нас нет. Здесь, где нас нет, творятся героические дела и живут удивительные люди. Здесь, где нас нет, растут невиданные урожаи и один за другого идет на смерть, здесь, где нас нет, женщины любят один раз и летчики невероятны. Как удался фестиваль, где нас не было, как хороши рецепты блюд, которых мы не видели, как точны станки, на которых мы не работаем, как много делают для нас разные учреждения, а мы все не там, а мы в это время не там находимся, или они все где-то не там нас ищут. И выступают люди и рассказывают, как они обновляют, перестраивают, расширяют для удобства населения. И дико обидно, что все это где-то здесь. Вот же оно где-то совсем здесь. Ну вот же прямо в одном городе с нами такое творится — ночи не спишь, все выскакиваешь — где? Да вот же тут. Да вот тут буквально.

Ведь модернизировали, подхватили, перестроили, внедрили новый коэффициент, включаешь — не работает. И медленно понимаешь, что нельзя, конечно, оценивать работу таких огромных коллективов по машинам, которые они клепают. Ну, собирают они автобус, ну это же неважно, что потом водитель на морозе собирает его опять. Что при торможении на ноги падают вентиляторы и рулевые колонки. Что веником проведешь по двигателю, сметешь карбюратор, фильтр, головку блока. Что и после всех улучшений она тупее любого водителя, ибо он успевает реагировать на уличное движение, она никак, хоть тресни. Конечно, лучше такую машину отдавать в мешке, — кому надо, тот соберет, — потому что не в машине

дело, а в интереснейших делах. Гораздо важнее, что творится внутри предприятия, будь то театр, автозавод или пароход.

Смешно подходить к театру с точки зрения зрителя. На спектакли не ходят от скуки, челюсть выскакивает, а то, что режиссер непрерывно ищет и ставит, ставит и ищет... Театр первый отрапортовал о подготовке к зиме: ни одного актера не занятого в спектакле. При чем тут пустой зал? Тогда получается, что театр — для зрителя, поезд — для пассажиров, а завод — для покупателя?! Такой огромный завод для покупателя?! Нет! Это для всеобщей занятости. Пароход — для команды, паровоз — для машиниста, столовая — для поваров, театр — для актера, магазин — для продавцов, литература — для писателей; нет и не может быть выхода из этих предприятий. Настолько увлекательный процесс внутри — смешно ждать снаружи чего-либо интересного.

Схватил у самого передового коллектива пылесос — он не работает, потому что не он главный. При чем тут борщ, когда такие дела на кухне? Приходят на завод тысячи людей — работают, строят себе базу отдыха, открывают новую столовую, озеленяют территорию, получают к празднику заказы. Что главное — занять эти тысячи работой или дать тем тысячам пылесосы, без которых они жили и живут? Дымит в море пустой пароход, стучит по улице пустой грузовик, стоит в городе пустой магазин, а вокруг кипит жизнь. Люди поддерживают друг друга, выступают на собраниях, выручают, помогают в работе. Знающий обучает отстающего, пожилой передает опыт молодым, бригада избавляется от пьяницы, непрерывно улучшается и совершенствуется станочный парк, и научные исследования удовлетворяют самым высоким требованиям. А включаешь — не работает. И не надо включать. Не для вас это все. Не для того, чтобы включали, — для того, чтобы делали. Где надо, работает, — там потребитель главный. А где не надо, там процесс важнее результата: процесс — это жизнь, результат — это смерть. А попробуй только по результату. Это куда же пойдут тысячи, сотни тысяч? Они пойдут в покупатели. Нет уж, пусть лучше будут производителями, пусть знают, чего от себя ожидать.

Смешно оценивать ТВ по передачам больницы — по вылеченным. Конечно, мы по количеству врачей обогнали всех, теперь бы отстать по количеству больных. Но тогда пропадает смысл работы коллектива, загружающего самого себя. Тогда о нашей работе надо спрашивать совершенно посторонних. А разве они знают, что мы сэкономили, что отпраздновали, кого вселили, кого уволили? Что расскажет изделие о жизни коллектива? Что будет в новостях, которых так жадно ждет население: пущена вторая очередь, пущена третья домна, пущен первый карьер, дал ток третий агрегат, кто знает, сколько их там, когда начнут, когда закончат?

Определенность — это неисправимо, а неопределенность — это жизнь.

Развернулись работы по озеленению, не для озеленения эти работы. Пылесос работает? Нет! Один бит информации. А как сегодня — для новостей — дела у коллектива пылесосного завода, как с утра собираются люди, как в обед приезжают артисты, как между сменами торгует автолавка, как психологи помогают начальникам цехов, как дублеры работают директорами — миллионы бит пьес, романов.

Пылесос — для одного, пылесосный завод — для тысяч. Потому так замолкают люди, собравшиеся в пароход, завод, в институт. Дадут одно поршневое кольцо и сидят 500 или 600 под надписью "поршневое кольцо", "гибкие системы", "топливная аппаратура". Огромная внутренняя жизнь, хоть и без видимого результата, но с огромными новостями, так радующими сидящих тут же. Этакое состояние запора при бурной работе организма.

А машину как-нибудь дома соберем, квартиру достроим, платье перешьем, трактор придумаем, самолет в квартире склепаем — и покажем в самой острой передаче, под девизом "Один может то, чего все не могут".

БАЛЛАДА О ТУРНИКЕТАХ

В конце каждой улицы поставить турникет. Конечно, можно ходить и так, и на здоровье. Но эта бесшабашность. Куда хочу — туда хожу? Поражает распущенность, которая дорого обходится всем нам. Хоть как-то дисциплинировать этот дурной

поток. В конце каждой улицы поставить турникеты. Да просто так, пусть пока пропускают. Не надо пугаться. Только треском дают знать. И дежурные в повязках — пусть стоят и пока пропускают. Ну, уж само их присутствие, сам взгляд. Идешь на них — лицо горит, после них — спина горит. Они ничего не спрашивают — пока. В том и весь эффект. Но уже дисциплинирует.

Но в любой момент можно перекрыть — и специальная команда имеет доступ к любому делу и так далее. По контуру площадей — по проходной. Вдоль забора идет человек, руками об забор — ну, допустим, три-четыре перебирания по забору — и в проходную, где его никто не задерживает, хотя дежурный, конечно. Красочка особая на заборе, ну там отпечатки и так далее, да. Боже мой, никто же забора снимать не будет, бояться нечего. Но в случае ЧП, — отпечатки на заборе, — и куда ты денешься. А пока пусть проходят и без документов, хотя при себе иметь это обязательно. На случай проверки, сверки, ЧП. То есть, когда идешь на дежурного, уже хочется документы показать. Пройдешь без предъявления — только мучиться будешь. Со временем стесняться проверок никто не будет, позор будет непроверенным ходить. Тем более появляться неожиданно где попало. Или кричать: "Мой дом, моя крепость", — от внутренней распушенности.

Но в коридорах дежурных ставить не надо. Пока. Начинать, конечно, с выхода из дома. Короткая беседа — куда, когда, зачем, а сумочка, а если дома никого, как тогда... И так далее. Сразу у дверей, чтоб потом не беспокоить. И ключик на доску. То есть, чтобы человек, горожанин не чувствовал себя окончательно брошенным на произвол. Что бы ты ни делал, где бы ты ни был — то есть буквально голая степь, а ты не один. При любом звонке тебе нечего опасаться — поднимаются все. При любом крике: "Ау, люди!" — из подземелья выскакивает общественник: "Туалет за углом", — и так далее.

Но это уже ЧП, гулять надо вчетвером, а то и впятером. А если в гости — не забывать направление. Это тоже обязательно. Из своего дома отправляется местная командировка в гости. Убыл-прибыл-убыл. Конечно, дать диапазон, чтобы человек чувствовал себя свободно. Хозяин буквально чем-нибудь от-

мечает, да той же печатью. Ставит время с запасом, чтоб гость неторопливо собирался. Контроль личных сумок — даже не надо в каждом доме, только в узловых пунктах: подземный переход, вокзал, казарма.

Чтоб примерно питались все одинаково. Это даст — одинаковые заболевания для врачей, одинаковый рост, вес и скорость в пошивочных мастерских. И, конечно, поменьше незнакомых слов. Употреблять те слова, что уже употребляются, чтобы не беспокоить новым словом. А для красоты через каждые два слова обязательно вставлять — “отлично, хорошо” и так далее. Ну, к примеру: “Хорошо вышел из дома, прекрасно доехал, отлично себя чувствую”.

Начинать разговор: “Говорит номер такой-то”. Да, для удобства вместо фамилии — телефонные номера. Имена надо оставить, это для учета легче и запоминается. Допустим: “Привет, Григорий 256-32-48, от Ивана 3 тысячи 841, код 8044” — и уже ясно, из какого города, и уже не надо ломать голову над тем, кто кому внезапно, подчеркиваю, внезапно, передал привет. Со временем, я думаю, надо будет брать разрешение на привет, но очень простое, я даже думаю, — устное. С перепиской тоже упростить — все письма писать такими печатными буквами, как вот эти индексы на конверте. Ну, вначале, конечно, непривычно, выводить долго, но настолько облегчается работа почты! И многого в таком состоянии не напишешь.

И, конечно, вместо автоматических телефонных станций я бы установил старые, с наушниками и ручным втыканием в дырку. Вот, подумайте, много людей освободится. Причем, для упрощения и удобства с выходящим из дома беседует уличный контроль, дальше — контроль проспектов, потом — площадей; с теми, кто из города, работает высококлассный междугородний контроль. Ну, а не дай Бог, при выходе из государства — вовсею трудится наша гордость, элита, общевыходной дроссельный контроль, под условным названием “Безвыходный”.

ПИСЬМО ПОБЕДИТЕЛЯ

Три миниатюры

Пишу вам, жители Феурге!

Это все ничего не значит, мы вас били и будем бить. Лично я вас бил и побеждал два раза, а если надо будет — побью и в третий раз. Но мы сейчас не об этом. Чтоб вы подавились — живу хорошо! В честь праздника капитуляции прошу направить победителю две пары туфель выходных — 42, пальто летнее выходное и против дождя, стирального порошку — 3 пакета, кофемолка, носки простые две пары на 42, колготки женские жене, масло топленое банку 3 килограмма, бутсы для ребенка — 34, коньки для девочки, а также прямое содействие в получении разрешения на предмет осмотра руин ваших городов. Ваш победитель — 54 размер, третий рост. А также детские вещи и сыр. И бижутерия. И про обратный адрес ни слова. На ребенка 4-х лет. Жена — 56-й размер, 2-й рост, 39-я стопа. И кофе. И магнитофон. Время любое. А также велосипед детский. Лекарство от сердца и от костей ноги. Зимнее что-нибудь, из чистой шерсти, а то у вас синтетика. К себе не приглашаю, так как победителю не к лицу. Если есть — темные очки для дочери. Про переписку прошу молчать — вы мою руку знаете.

* * *

Трос сорвало на переправе, это грозило, сама знаешь чем. И твой отец первым заметил это. Прыгнул в ледяную воду — понтоны крепить, остальные — за ним. Спасли переправу, стали кричать — а его уже нет. Три дня его искали, улицу его именем назвали. Сейчас он официантом в Лондоне, жалеет очень.

* * *

Ну вот, ради нее он построил подводную лодку, чтобы в Финляндию плыть с ней. Она опоздала на час к отходу, он, сука, ушел точно по расписанию. Уж, как она рыдала, бедная, глядя на перископ, и он сидел в рубке, принципиальный, сволочь! Ей потом говорили: "Не жалея, с таким характером и там никто жить не сможет..."

ГИМН XX ВЕКУ

“Вторая половина 20-го века. Туберкулез отступил. Сифилис стал мельче, но шире. Воспаление легких протекает незаметно. Дружба видоизменилась настолько, что допускает предательство, не нуждается во встречах, переписке и разговорах, и даже допускает наличие одного дружащего, откуда плавно переходит в общение. Общением называют стертые формы грозной дружбы конца 19-го — начала 20-го столетия.

Любовь также потеряла угрожающую силу конца 19-го и начала 20-го века. Смертельные случаи крайне редки. Небольшие дозы парткома, завкома и товарищеского суда дают самые благоприятные результаты (...)

Размашистое чувство, включающее в себя некоторую безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой (...)

Человека, говорящего “да”, подвергают тщательному изучению рентгеноскопией, — не скрывается ли за этим “нет”. Точный ответ дает только анализ мочи, которую от него получить трудно (...)

Приятно отметить, что с ростом городов чувства и понятия потеряли свою отталкивающую в прошлом четкость, легко перетекают из одного в другое, как разные цвета спектра образуют наш теперешний серый век”.

* * *

”Долой диспуты только вокруг технических вопросов. Мы овладеваем более высоким стилем спора. Спор без фактов, спор на темпераменте, спор, переходящий от голословного утверждения на личность партнера (...) Мы должны поднять уровень спора до абстрактной высоты (...) Давайте упоминать философов, не читая их работ. Воспринимать вкус еды на слух. Представлять фильм по названию, живопись по фамилии (...) Доводя продукцию до уровня мировых стандартов, которых никто не видел, мы до предела разовьем все семь чувств плюс интуицию, которая с успехом заменяет информацию, с чем и приходится себя поздравить”.